
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 34(091)
ББК 67.3

DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-89-101

E.V. Tsygankova, post-graduate student of the Theory and History of State and Law Department, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SYSTEMATIZATION OF EXPERT LEGISLATION IN THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEDURE, 1864

The author analyzes the distribution and content of the articles of the Charter of Criminal Procedure 1864, which regulated the participation of knowledgeable people at all stages of legal proceedings, in comparison with similar articles in the Code of Laws of the Russian Empire of 1857. The analysis found that the systematization of expert legislation carried out in the Charter of Criminal Procedure potentially contributed to an increase in the level of objectivity of the evidence base used in court.

Key words and word-combinations: Charter of Criminal Procedure, Code of Laws, judicial expertise, knowledgeable people, experts, judicial reform of 1864.

Е.В. Цыганкова, аспирант кафедры теории и истории государства и права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: sberstennikova_e@mail.ru)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 года

Аннотация. Проанализированы распределение и содержание статей Устава 1864 г., регламентирующих участие сведущих людей на всех этапах судопроизводства, в сравнении с аналогичными статьями в Своде законов Российской империи 1857 г. Доказывается, что осуществленная в Уставе уголовного судопроизводства систематизация экспертного законодательства потенциально способствовала повышению уровня объективности доказательной базы, используемой в суде.

Ключевые слова и словосочетания: Устав уголовного судопроизводства, Свод законов, судебная экспертиза, «сведущие люди», эксперты, судебная реформа 1864 г.

Судебная реформа в ряду преобразований, проведенных российской властью в 1860—1870-е годы, имела

важнейшее значение в процессе повышения роли судебной системы в условиях глубоких социальных нововведений. Проводившиеся реформы обостряли прежние и порождали новые противоречия и конфликты в российском обществе, судебное разрешение которых являлось необходимым средством сохранения относительной социальной стабильности. Суд, действовавший в дореформенной России, роль такого средства выполнить не мог. «Не было стороны нашего быта, — отмечалось историками права, — в такой мере дискредитированной и признанной всеми несостоятельной, как наша судебная часть» [1, с. 40]. Судебная система нуждалась не в простом улучшении, избавлении от определенных недостатков, а в кардинальном преобразовании, охватывавшем все звенья системы российского судопроизводства и судопроизводства. Эта правовая задача была решена разработкой и реализацией судебной реформы 20 ноября 1864 г.

В рамках данной реформы произошло качественное обновление гражданского и уголовного процессуального права — были созданы уставы гражданского и уголовного судопроизводства. Новые судебные установления Российской империи получили в свое распоряжение систематизированное законодательство, должное и потенциально способное обеспечить их деятельность в изменяющемся обществе. В новом законодательстве, конечно, прослеживалась юридическая преемственность с дореформенным российским законодательством, поскольку из него заимствовались немало правовых норм, но учитывался и законодательный опыт в сфере процессуального права, накопленный в европейских странах. «Наша судебная реформа, — отмечал известный правовед К.И. Малышев, — есть плод не только русского исторического опыта, но и знакомства с историей и современными учреждениями Запада, в особенности государств французской группы» [2, с. 63].

Такой общий подход потребовал от создателей уставов повышенного внимания к элементам судопроизводственного процесса, недостаточно подробно разработанным и систематизированным в прежнем законодательстве, но значимость которых в преобразуемой судебной системе должна была заметно увеличиться. К числу подобных элементов следует, по нашему мнению, отнести роль и функции в судопроизводстве экспертной деятельности, или, в принятой официально тогда терминологии, деятельности «сведущих людей».

Попытаемся проанализировать изменения, произошедшие в отечественном законодательстве о судебной экспертизе в Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г., придавшие — в сравнении с дореформенным российским законодательством — системность использованию знаний сведущих людей в этом виде процессуального права.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. произвел, по оценке известного юриста И.Г. Щегловитова, «полный переворот в постановке уголовного правосудия» [3, с. 267]. Теперь судопроизводство основывалось на правовых демократических началах: гласности, непосредственности и устности судебного разбирательства, состязательной формы процесса. Но важным условием для практической реализации таких начал являлась достоверность доказательств, предъявляемых суду обвинением и защитой, в составе которых, наряду со свидетельскими показаниями, в прежнем российском законодательстве признавались специальные знания сведущих людей.

В «Высочайше утвержденных основных положениях преобразования судебной части в России» (29 сентября 1862 г.) содержались общие положения, повторявшие действовавшее законодательство: об отобрании при рассмотрении доказательств в суде «показаний от подсудимого, сведущих лиц, свидетелей и участвующих в деле лиц» и о принесении сведущими людьми и свидетелями присяги перед их показаниями [4, с. 158]. В то же время в ст. 46 данного документа отмечалось, что на этапе предварительного следствия судебный следователь «не приводит к присяге ни сведущих людей (экспертов), ни свидетелей» [4, с. 157]. Тем самым косвенно признавалось, что специальные знания сведущих людей будут использоваться на этом этапе, что не предусматривалось в действовавшем законодательстве. В «Основных положениях преобразования судебной части в России» намечалось более широкое и систематизированное обращение суда к специальным знаниям «сведущих людей».

В свою очередь, анализ содержания Устава уголовного судопроизводства обнаруживает конкретные позитивные результаты проведенной в этом направлении законодательной работы. Всего в Уставе уголовного судопроизводства (далее — Устав) содержалось 56 статей, в которых регламентировалось участие сведущих людей, включая судебных врачей. В общем составе Устава (1254 статьи) их было 4,5%. В дореформенном российском уголовно-процессуальном законодательстве (т. XV, ч. II) имелись только три подобные статьи, но к ним следует добавить 23 статьи экспертного содержания из Устава судебной медицины (т. XIII). Таким образом, в Уставе новое российское законодательство о судебной экспертизе по своим размерам превзошло прежнее законодательство в 2,4 раза.

Очевидно, что установленные количественные показатели зафиксировали только общую тенденцию повышения внимания законодателя к использованию специальных знаний «сведущих людей», но качественное содержание изменений можно определить, лишь обратившись к

конкретно-правовому анализу статей. Так, в Уставе уголовного судопроизводства использовалось только одно терминологическое определение субъекта экспертной деятельности — «сведущие люди». Термин «эксперт(ы)» и до, и после 1864 г. широко применялся на практике и в юридической литературе, но официально в состав российского законодательства так и не был включен.

Возможно, выбор создателей Устава в пользу прежнего наименования объяснялся тем, что в суды в большом количестве после 1864 г. стали обращаться малообразованные, часто неграмотные люди, которым, скорее всего, был бы непонятен термин «эксперт», в то время как в отношении «сведущих людей» непонимания с их стороны не возникло бы.

Устав уголовного судопроизводства состоял из трех книг: в первых двух рассматривался порядок производства на уровнях мировых судебных установлений и общих судебных мест; в третьей книге содержались изъятия из общего порядка судопроизводства.

Экспертные статьи сосредотачивались в первых двух книгах, а в кн. III имелась только одна такая статья.

Порядок производства в мировых судебных установлениях

Первая статья с упоминанием «сведущих людей» (ст. 112) содержала общее определение их роли в судопроизводстве: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии, приглашаются сведущие люди» [5, с. 223]. Это юридическое определение с несущественными изменениями было заимствовано из ч. II Свода законов уголовных 1857 г. (ст. 212) [6, с. 40]. Однако в Своде эта статья находилась в разделе III «О формальном следствии», а в Уставе была включена в книгу I «Порядок производства в мировых судебных установлениях» (глава III «О разбирательстве у мировых судей»). В других статьях уголовного законодательства общее определение получало необходимую конкретизацию: «Как количество вреда или убытков, так и цена похищенного, при разногласии о том сторон, определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушиванию мнения сведущих людей» (ст. 113); «За неявку к осмотру, освидетельствованию или обыску понятые и сведущие люди могут быть подвергнуты мировым судьей денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей» (ст. 114). Наконец, в ст. 192—193 определялись условия денежной компенсации путевых издержек свидетелей и сведущих людей (при вызове на расстояние более 15 верст) [5, с. 223, 229].

Из исследования правовых норм уголовного законодательства, установленных законом в данных статьях, можно сделать два важнейших вывода. Во-первых, единоличное решение о привлечении к участию в мировом судопроизводстве «сведущих людей» являлось компетенцией мирового судьи, поскольку не вводилась ни его обязанность так поступить, ни право потерпевшего или обвиняемого просить о привлечении. Например, по мнению Н.А. Неклюдова, вызов экспертов зависел от «одного сознания мирового судьи, что речь идет о таком предмете, который может быть хорошо известен только специалистам» [7, с. 491–492]. Во-вторых, участие сведущих людей, если данное решение принималось, являлось обязательным (штраф за неявку), однако для них предусматривалась и компенсация путевых издержек, причем в данных случаях «сведущие люди» приравнивались не только к свидетелям, как в прежнем законодательстве, но и к понятым.

В целом можно заключить, что, с точки зрения законодателя, на уровне мирового суда участие «сведущих людей» не играло существенной роли, видимо, в силу незначительности рассматривавшихся уголовных дел, что и позволило предоставить решение вопроса об их участии на усмотрение мирового судьи.

Порядок производства в общих судебных местах

Большинство статей, а именно пятьдесят, содержащих положения об участии «сведущих людей» в уголовном судопроизводстве, относились именно к уровню Окружных судов и Судебных палат.

32 статьи содержались в разделе II «О предварительном следствии», что свидетельствовало об особой значимости, отведенной законодателем судебной экспертизе на данном этапе судопроизводства. Остальные статьи распределялись таким образом: раздел III «О порядке придания суду» (одна статья); раздел IV «О производстве в окружных судах» (одиннадцать статей); раздел V «О порядке обжалования решений общих судебных установлений» (две статьи); раздел VI «Об исполнении уголовных приговоров» (четыре статьи).

В Уставе уголовного судопроизводства вводилась смешанная система, когда судопроизводство осуществлялось в два этапа (за исключением малозначительных дел, подлежащих рассмотрению в мировом суде): предварительное следствие, имевшее следственно-розыскной характер, и судебное разбирательство (следствие), имевшее преимущественно состязательный характер. Сбор доказательств о совершении преступлений происходил на стадии предварительного следствия, проводимого судебным следователем, в том числе в случаях, сопро-

вождавшихся смертельными исходами и телесными повреждениями, что делало совершенно необходимым использование специальных, особенно медицинских, знаний. Иначе получить достоверные доказательства, используемые при рассмотрении дела в суде, было просто невозможно.

Криминалистика, отрасль специальных знаний, играющая ключевую роль при расследовании многих уголовных преступлений в современном обществе, в середине XIX в. находилась в начале формирования своего инструментария и методик. Именно поэтому особое значение приобретал максимально оперативный сбор доказательственной базы на месте преступления, в котором большую роль могли сыграть как раз «сведущие люди», обладавшие знаниями, далеко не всегда имевшимися у следователей.

Изучая обнаруженные полицией или судебным следователем на месте преступления предметы и предоставляя по результатам их исследования заключение, «сведущие люди» тем самым определяли, может или нет данный предмет или какие-либо связанные с ним явления рассматриваться как доказательства. В сущности, правовая функция эксперта в таком случае заключалась в определении самого наличия юридических доказательств.

Об этом косвенно свидетельствует внутреннее распределение 32 статей в разделе II. Все они находились в составе главы IV «Об исследовании события преступления»: 26 были включены в отделение I «Осмотр и освидетельствование»; две — в отделение II «Розыскание предметов, обнаруживающих преступление»; остальные четыре статьи имели вспомогательный характер, регламентируя использование «сведущих людей» в качестве переводчиков, их ответственность и права на этапе предварительного следствия.

Обойтись без медицинской экспертизы на данном этапе уголовного судопроизводства, прежде всего в случае смертельных исходов, было невозможно, поэтому законодатель не мог не включить ее в состав этой главы, но при этом и Устав судебной медицины, находившийся в т. XIII Свода законов, отменен не был. В таком решении, по всей видимости, законодатель исходил из того, что Устав вводился в действие не одновременно на всей территории империи, а постепенно. Присутствие в нем медицинской экспертизы позволяло на практике ограничить там, где Устав был введен в действие, использование Устава судебной медицины только теми статьями, которые не вошли в него (это были статьи, подробно регламентировавшие правила проведения патологоанатомического исследования мертвых тел). Следовательно, в тех частях империи, где Устав еще не был

введен, сохранял полную силу на предварительном следствии Устав судебной медицины.

Согласно ст. 249, которой открывался раздел II, «предварительное следствие о преступлениях и проступках, подсудных Окружным судам, производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей» [5, с. 233]. Но во всех статьях первых трех глав этого раздела, посвященных регламентации деятельности судебного следователя, какого-либо упоминания о сведущих людях не имелось. Оно появлялось в главе IV.

Отделение I «Осмотр и освидетельствование» в этой главе было разделено на четыре подотделения.

В ст. 315, открывавшей подотделение 1, указывалось, что «осмотры и освидетельствования производятся в присутствии понятых или непосредственно судебным следователем, или чрез сведущих людей» [5, с. 238]. Из этой формулировки следовало, что участие сведущих лиц в данной следственной процедуре возможно, но не обязательно.

Закон не устанавливал каких-либо правил решения судебным следователем, действовать ли ему самому или привлечь сведущих людей, но за одним принципиальным исключением. В ст. 336 однозначно указывалось: «Для осмотра и освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого судебный следователь приглашает судебного врача» [5, с. 239].

Собственно регламентация участия сведущих людей была сосредоточена в подотделениях 2 «Осмотр и освидетельствование чрез сведущих лиц вообще» (ст. 325–335) и 3 «Осмотр и освидетельствование чрез врачей» (ст. 336–352) [5, с. 238–241]. В подотделении 2 все одиннадцать статей касались «сведущих людей», а в подотделении 3 — тринадцать статей из семнадцати. Кроме того, еще две статьи, предусматривавшие участие судебного врача (ст. 353 и 355), вошли в подотделение 4 «Освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» [5, с. 241].

В ст. 325 вводилось общее положение, регламентировавшее участие сведущих людей в уголовном судопроизводстве: «Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» [5, с. 238–239]. Оно содержательно коррелировало с ранее упоминавшейся ст. 112.

В ст. 326 подробно характеризовались профессиональные признаки «сведущих людей»: ими могли быть «врачи, фармацевты, профессеры,

учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» [5, с. 239]. Некоторым дополнением к этому списку сведущих людей служила ст. 410 (глава V «О представлении обвиняемого к следствию и допросу его»), так как в ней устанавливалось, что «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, непонятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке» [5, с. 244].

О правовом статусе «сведущих людей» на этапе предварительного следствия позволяет судить ст. 327: «Сведущие люди, приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны иметь все качества достоверных свидетелей» [5, с. 239], то есть закон рассматривал их показания в качестве свидетельских.

Из анализа содержания статей подотделения 2 можно сделать вывод, что самостоятельность действий сведущих людей была существенно ограничена активностью следователя, который, по сути, направлял эти действия в направлении, считавшемся им важнейшим.

Так, следователь проводил предварительный внешний осмотр предметов, далее исследуемых «сведущими людьми», составляя протокол, где указывал обнаруженные им видимые признаки преступления и перемены, произошедшие в положении предметов (ст. 330); словесно или письменно предлагал «сведущим людям» вопросы, подлежащие их разрешению (ст. 332); присутствовал, «когда к тому не встретится особых препятствий», при освидетельствовании, проводимом «сведущими людьми» (ст. 331); в случае сомнения в правильности заключения сведущих людей или при разногласиях в их мнениях требовал «заключения от других сведущих людей или о командировании их представляет высшему специальному установлению, или же отправляет туда самый предмет исследования, когда это возможно» (ст. 334); наконец, имел право подвергнуть «сведущих людей», не явившихся без уважительной причины по его требованию к освидетельствованию, той же ответственности, что и понятие (ст. 328), то есть денежному взысканию не свыше 25 руб. Правда, взыскание за неявку могло быть снято в отношении лиц, состоявших на государственной службе, прибытию которых помешали служебные занятия (ст. 329) [5, с. 239].

О степени самостоятельности действий «сведущих людей» позволяла судить только ст. 333: «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины» [5, с. 239].

Таким образом, содержание статей подотделения 2 позволяет сделать вывод, что фактически «сведущие люди» ставились в зависимость от судебного следователя, направлявшего и оценивавшего их действия при осмотре и освидетельствовании.

Совсем в иное положение законодатель поставил судебных врачей, что, безусловно, отражало приоритет, уделяемый специальным медицинским знаниям в случаях, когда без них было невозможно получить достоверные судебные доказательства. Об этом однозначно свидетельствовала ст. 336: «Для осмотра и освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого, судебный следователь приглашает судебного врача» [5, с. 239]. Такая экспертиза, подчеркивал К.К. Арсеньев, «произведена должна быть во всяком случае», и ее отсутствие является безусловным поводом для кассации судебного производства [8, с. 281].

Статус медицинской экспертизы закономерно вытекал из специфики медицинских знаний — сферы, где познания судебного следователя, как правило, были весьма ограничены. Самостоятельность судебного врача на этапе предварительного следствия, подчеркивал, например, Л.Е. Владимиров, чрезвычайно важна для получения необходимых доказательств: «Его деятельность состоит не в исполнении отдельных действий по указанию следователя, а в цельном и самостоятельном исследовании медицинского вопроса в уголовном деле» [9, с. 81—82].

В подотделении 3 обеспечению такой самостоятельности непосредственно служили, как минимум, две статьи.

В ст. 341 устанавливалось, что по требованию врача судебный следователь должен был сообщить имеющиеся у него сведения, «которые могут служить указанием, на что врач должен при вскрытии тела обратить особенное внимание» (ст. 341). Но из этой формулировки отнюдь не следовало, что врач не может самостоятельно истолковать сведения следователя и сам решить, что заслуживает его особенного внимания. Еще в большей мере самостоятельность врачей обеспечивалось положениями ст. 342, устанавливавшими, что в своих действиях врач руководствуется правилами Устава судебной медицины, но по возможности разъясняя в ходе осмотра присутствующим обнаруживаемые им факты и отвечая на их вопросы (ст. 342) [5, с. 240]. Следует добавить, что самостоятельность судебного медика на этапе предварительного следствия дополнительно обеспечивалась и нормой уже упоминавшейся ст. 333.

Все это, полагаем, означало, что законодатель не связал деятельность судебного врача обязанностью придерживаться точки зрения

следователя или ориентироваться на его вопросы, а предоставил ему в решении специальных медицинских вопросов значительную самостоятельность.

Конечно, закон оставлял за судебным следователем достаточно активную роль. Например, до прибытия судебного врача он принимал меры по возможному «оживлению» пострадавшего, а, убедившись в смертельном исходе, меры по сохранению тела, устанавливал личность погибшего и составлял протокол о принятых им мерах (ст. 340); во время освидетельствования мог заявлять (как и другие присутствующие) свои мнения о тех действиях и объяснениях врача, которые покажутся сомнительными (ст. 343). Следователь имел право, если уездный или городской врач по уважительной причине не мог участвовать в осмотре и освидетельствовании, пригласить «всякого другого военного, гражданского или вольнопрактикующего врача» (ст. 337), а в важных случаях — пригласить нескольких врачей (ст. 338). Судебный врач обязывался передать составленный им акт следователю не позднее трех суток со дня осмотра (ст. 344) [5, с. 239—240].

Отдельные правила были установлены для случая возникших при освидетельствовании разногласий и сомнений. Их разрешение относилось на право Врачебной палаты. После получения свидетельства о разногласиях она запрашивала дополнительные объяснения от врачей или назначала переосвидетельствование (ст. 345), проводившееся другими врачами, но при возможности и с приглашением врача, проводившего первоначальное освидетельствование (ст. 346, 347) [5, с. 240].

Роль судебных врачей была немаловажна и в случаях «освидетельствования обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумцем» (ст. 353, 355) Следователь, удостоверившись через освидетельствование врачом в безумии или умственном расстройстве обвиняемого, должен был передать дальнейшее производство дела с присоединением мнения врача прокурору. Освидетельствование такого обвиняемого производилось в Окружном суде с участием члена Врачебной управы и двух назначенных ею врачей [5, с. 241].

Еще две статьи вошли в состав отделения II «Розыскание предметов, обнаруживающих преступление» (глава IV), но они носили скорее технический характер. Упоминание «сведущих людей» в ст. 373 было связано единственно с тем, что до их прибытия следователь был обязан обеспечить сохранность вещественных доказательств, которые не могли быть отделены от места, где они обнаружены, а в ст. 374 — с обязанностью врача или фармацевта должным образом упаковать для последующей доставки «предметы, подлежащие химическому или микроскопическому исследованию» [5, с. 242].

В Уставе были установлены и меры ответственности «сведущих людей»: в ст. 489 и 490 (глава XI «Об ответственности полицейских чинов и судебных врачей по следственным действиям») вводились дисциплинарные взыскания судебных врачей (вплоть до придания их суду) «за неисполнение своих обязанностей по следствию» и «за противозаконные действия по следственной части». Что касается защиты прав сведущих людей, то законодатель предусмотрел только одну меру: они, как и «другие, призываемые к следствию лица», могли приносить жалобы, но «лишь на притеснения и неправильные взыскания, коим они сами подверглись при следствии» (ст. 492 в главе XII «О порядке обжалования следственных действий вообще») [5, с. 250].

Таким образом, на этапе предварительного следствия «сведущие люди» и врачи выступали в роли экспертов, которые, наряду с судебным следователем, участвовали в формировании доказательственной базы для последующего решения дела в Окружном суде. В то же время роль судебных врачей была более самостоятельной и активной по отношению к судебному следователю, чем других «сведущих людей».

Поступлению подготовленного на этапе предварительного следствия дела в суд предшествовали заключение прокурора и решение Судебной палаты, в которых, в частности, указывались свидетели и сведущие лица, призываемые в суд (ст. 538) [5, с. 253]. Тем самым «сведущие люди» определялись как участники непосредственно судебного процесса.

В одиннадцати статьях раздела IV «О производстве в Окружных судах», регулировавших участие «сведущих людей» на этой стадии судопроизводства, прослеживалась зависимость их участия от позиций всех сторон процесса.

Во-первых, они могли быть отстранены от участия в силу того, что все стороны процесса имели право до принятия сведущими людьми присяги давать отвод «по неимению ими тех качеств, которые требуются от них законом» (ст. 694). В другой статье право давать отвод «сведущим людям» «по законным причинам» предоставлялось также прокурору или частному обвинителю, подсудимому или его защитнику (ст. 630) [5, с. 264, 259].

Во-вторых, стороны процесса могли «просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания» (ст. 578). В свою очередь, сам суд мог «для объяснения освидетельствования или испытания, произведенного следователем или сведущими людьми», вызвать и потребовать «обстоятельного отчета в их действиях», или не вы-

зывать сведущих людей, производивших судебно-химические или микроскопические исследования не в месте суда, а заменить их вызовом для таких объяснений местных врачей и фармацевтов (ст. 690—691) [5, с. 256, 263—264].

В-третьих, суду было предоставлено право «по замечанию сторон, или присяжных заседателей, или по собственному усмотрению» назначать «новое освидетельствование или испытание чрез избранных им или указанных сторонами сведущих людей, с тем, чтобы они производили свои действия в заседании суда, если это возможно», или представляли обстоятельный отчет о них» (ст. 692) [5, с. 264].

В-четвертых, сторонам процесса предоставлялось право задавать сведущим людям вопросы (ст. 630, 695) [5, с. 259, 264].

«Сведущим людям» законом обеспечивались и некоторые права, связанные с их участием в процессе. Например, они могли иметь при себе в случае необходимости «памятные записки» для «более точного изложения их изустных показаний» (ст. 698); их обязательно вносили в протокол судебного заседания (ст. 836), и они имели право подавать частные жалобы на наложенные на них взыскания за неявку в суд (ст. 894). В ст. 977—979, 986 также устанавливались размеры возмещения судебных издержек «сведущим людям»: отдельно медицинским чинам на службе и вольнопрактикующим врачам и отдельно остальным сведущим людям (по определению суда и при поступлении соответствующего требования от них самих) [5, с. 259, 274, 277, 284].

Таким образом, на этапе производства дел в окружных судах «сведущие люди», как вытекает из содержания рассмотренных статей, играли второстепенную роль, находясь в зависимости от вопросов судей и других сторон процесса, так как их функцией являлось исключительно подтверждение, пояснение и разъяснение результатов, которые были получены на этапе предварительного следствия.

Участие «сведущих людей» в одном случае предусматривалось и в книге III «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства».

В ст. 1160 (раздел IV «О судопроизводстве по преступлениям и проступкам, относящимся до разных частей административного управления») устанавливалось, что на этапе предварительного следствия «по нарушениям, для исследования коих необходимы специальные знания, судебный следователь требует сведущих людей из числа служащих в казенном управлении; но ему не возбраняется пригласить вместе с должностными и частных лиц, известных своими специальными сведениями» [5, с. 299].

Таким образом, в этом случае следователь обязывался к привлечению в качестве сведущих людей лишь служащих данного казенного управления. Но, возможно, полагая, что мнения служащих того же казенного управления могут быть не вполне достоверными, законодатель предусмотрел для повышения объективности экспертных заключений привлечение частных сведущих людей, предоставив конкретное использование этой нормы самим следователям.

Резюмируя изложенное, следует считать установленным, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в сравнении со Сводом законов 1857 г. произошла систематизация законодательства о судебной экспертизе, осуществлявшаяся «сведущими людьми». Конкретными свидетельствами такой систематизации, по нашему мнению, являлись, во-первых, структурная дифференциация экспертных статей в составе Устава; во-вторых, формирование общей нормативной базы экспертной деятельности всех «сведущих людей», включая судебных врачей; в-третьих, последовательность и взаимосвязанность регламентации порядка проведения экспертной деятельности, прав и обязанностей «сведущих людей» на всех этапах уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. *Блинов И.А.* Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг., 1914. Т. I. С. 3–101.
2. *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1876. Т. I.
3. *Щегловитов И.Г.* Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг., 1914. Т. I. С. 233–285.
4. Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России // Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 г. СПб., 1865. Т. 37. Отделение II. № 38761. С. 147–174.
5. Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 г. СПб., 1867. Т. 39. Отделение II. № 41476. С. 215–306.
6. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 15. Законы уголовные. Кн. II.
7. *Неклюдов Н.А.* Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1872. Т. 1.
8. *Арсеньев К.К.* Судебное следствие // Сборник практических заметок. СПб., 1871.
9. *Владимиров Л.Е.* О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1870.